

ИСТОРИЯ

УДК 904+94(3)

САРМАТЫ НИЖНЕГО ПОДОНЬЯ И ОСЕДЛЫЙ МИР: ПАРАДОКСЫ ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

© 2016 г.

Е.В. Вдовченко

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

vdovchenkov@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.08.2016

Анализируются центр-периферийные отношения между сарматами, меотами и Танаисом. Танаис и поселения меотов были экономическими центрами региона. С точки зрения экономики кочевой мир выступал в качестве периферии. Но при анализе политической ситуации в степной зоне и Нижнем Подонье соотношение между оседлыми центрами и номадами представляется принципиально иным. Сарматы были одним из важных центров силы в степной зоне Восточной Европы. Поэтому при описании политической ситуации в понятиях центр – периферия центром являются сильные кочевые орды, а меоты – это зависимая периферия. Танаис – пограничный форпост Боспора – в прилагаемых обстоятельствах был вынужден учитывать влияние кочевников. Такая ситуация сложилась в I в. до н.э. – I в. н.э. Конец этой системы, где сарматские группировки выполняли роль политического центра, опираясь на экономический потенциал меотских поселений, связан с приходом кочевников из Предкавказья в Подонье в середине III в. н. э.

Ключевые слова: нижнедонской регион, сарматы, Танаис, меотские поселения, сарматская археологическая культура, центр-периферийные отношения.

При изучении региона Нижнего Подонья в сарматскую эпоху исследователь сталкивается с необходимостью исследования трех очень разных обществ – сарматов, населения нижнедонских варварских городищ, называемых традиционно меотами, и отдаленного форпоста античного мира – города Танаиса.

Система их взаимоотношений определялась многими факторами – политическими, экономическими, этнокультурными. Следует учитывать изменчивость кочевого мира. Сарматскую эпоху делят на три части по археологическим культурам – раннесарматскую, среднесарматскую и позднесарматскую. Но за этими периодами стоят как минимум четыре волны миграций: появление носителей раннесарматской культуры (II–I вв. до н.э.); миграция (миграции) на рубеже эр и в I в. н.э., приведшая к формированию среднесарматской культуры; появление носителей позднесарматской культуры в середине II в. н.э.; миграция в Подонье из Предкавказья в середине III в. н.э.

Археологическая картина весьма любопытна. Помимо курганных могильников сарматов, мы видим два центра оседлости – Танаис и поселения меотов. Материалы поселений и их некрополи дают богатую пищу для размышле-

ний, тем более что жизнь как меотских поселений, так и Танаиса подвергалась различным испытаниям. Так, к настоящему времени для Танаиса более или менее достоверно известны три значимых события, нарушавших устоявшееся течение городской жизни, с момента его образования в первой половине III в. до н.э. до III в. н.э.

1. Разгром Танаиса на рубеже эр «за неповиновение» боспорским царем Полемоном (Страбон. XI, II, 3) и дальнейшее восстановление его, с возможной полной или частичной сменой населения как в самом городе, так и на территории его ближней округи.

2. Разрушения в середине II в. н.э. в ходе экспансии со стороны степи, после которой наблюдается значительное включение варварского (сарматского) элемента в состав городского населения [1, с. 80–93].

3. Разрушения в середине III в. н.э., приведшие к почти столетнему перерыву в существовании этого крупного нижнедонского поселения.

Динамика появления и прекращения существования нижнедонских меотских городищ тоже любопытна: Крепостное – конец I в. до н.э. – II в. н.э.; Подазовское – I–II вв. н.э.; Кобяково – I–III вв. н.э.; Темерницкое – I–III вв. н.э.; Нижнегниловское – I–III вв. н.э.

Эти поселения были экономическими центрами региона. Особенно этот тезис справедлив для Танаиса, бывшего крупным торговым и ремесленным центром. Но масштабы и размах меотских поселений тоже говорят об их большом экономическом значении. Тут следует сделать одно небольшое уточнение – нижнедонские городища по традиции называют «меотскими», однако у нас практически нет ни одного письменного источника, сообщавшего бы нам об этнической принадлежности их населения. Единственное сообщение, которое мы можем как-то отнести к этому населению, – это информация Страбона: «Все азиатские меоты были подвластны частью владетелям торгового центра на Танаисе, частью же – боспоранам» (Страбон, XI, 2, 11). Впрочем, археологические данные позволяют сближать их жителей с меотами Прикубанья.

Существует взгляд на нижнедонские городища как на хору Танаиса. Однако это мнение можно оспорить. Конечно, их теснейшие экономические связи – это бесспорный факт [2, с. 189]. Однако неясно, в какой степени меотские поселения зависели от Танаиса и Боспора. Ведь рядом находились сильные группировки сарматов. С.А. Яценко выдвинул предположение о существовании системы двойного подчинения меотов Нижнего Подонья в среднесарматское время – Боспору и сарматам [3, с. 297]. На мой взгляд, возможен и другой вариант, при котором каждое городище имело свою систему отношений с разными группировками номадов и с Боспором. Интересны находки кладов золотых монет на правобережных городищах донских меотов [4, с. 86], которые говорят о серьезном политическом значении меотских городищ и их определенной самостоятельности. С этой точки зрения взгляд на меотские поселения Нижнего Дона как на хору Танаиса неоправдан – они отличались культурно и, видимо, были вписаны в иной политический и экономический контекст, нежели Танаис.

В сравнении с оседлыми центрами, роль сарматов в экономическом производстве была скромнее. Нельзя сказать, что сарматы находились на обочине экономической жизни Нижнего Дона. Они выступали активными участниками этого процесса, заказчиками продукции, поставщиками скота и рабов. Но их роль в экономическом производстве не столь велика. Для экономики сарматов, как типичных номадов, характерно экстенсивное кочевое скотоводство. В связи со слабостью и недостаточностью экономической базы сарматы, опираясь на свой военный потенциал, искали ресурсы для развития во внешнем мире – среди как кочевников,

так и оседлого населения. Идея неавтаркичности социума номадов, их зависимости от оседлого мира доказана А.М. Хазановым [5]. У номадов существует жизненная потребность в контактах с земледельцами, торговцами, ремесленниками – потребность, которая заставляла торговать, нападать, облагать данью, угрожать и вымогать подарки.

Весьма эффективная для своего времени военная и политическая организация позволяла сарматам использовать экзоплодотворительную модель экономики. Концепция экзополитарного (ксенотократического) способа производства у номадов указывает на решающее значение для экономической и, что еще важнее, политической организации кочевников взаимоотношений с внешним миром [6, с. 34–37]. Система связей с внешним миром, особенно с оседлым, таким образом, является ключом к пониманию политической и социальной истории сарматов. Из последних исследований, выполненных в этом ключе, можно отметить работы Б.А. Раева [7], А.П. Медведева [8], С.В. Воронятова и В.Е. Еременко [9] и других исследователей.

Но с точки зрения экономики кочевой мир – все же периферия по сравнению с античными и варварскими центрами оседлости.

При анализе политической ситуации в степной зоне и Нижнем Подонье соотношение между оседлыми центрами и номадами представляется принципиально иным. Политический и военный потенциал сарматов был весьма велик, особенно если учесть возможность мобилизации всего степного населения. Их не могли игнорировать не только Боспор, но и Рим, о чем говорит практика дипломатических подарков (об этом см. интересное предположение Л.С. Клейна о серебряных сервизах из 8 блюд как типичном дипломатическом даре германцам и сарматам – [10]). Внешние связи сарматов, которые можно выявить по данным погребального инвентаря, имеют своим источником часто не только и не столько торговлю, сколько отражают отношения зависимости, данничества, систему даров, а также военные столкновения. На войну, дипломатические отношения и торговлю как источники поступления импорта указывает Б.А. Раев [11, с. 64–70]. М.В. Кривошеев склоняется к версии поступления основного объема импорта в виде дипломатических даров [12 с. 111].

Районы концентрации курганных некрополей с элитными погребениями могут нам указывать на политические центры разных группировок сарматов. Феномен элитных комплексов сарматов связан с экзоплодотворительной моделью экономики. Содержащиеся в них богатства – это яркое свидетельство эффективности взаимодействия с оседлым миром.

Таким образом, сарматы были одним из важных центров силы в степной зоне Восточной Европы. Археологически меотские поселения выглядят намного представительнее, чем сарматские курганные некрополи, но, судя по всему, зависели от сарматов. В этом известный парадокс археологических источников – номады, не оставившие практически ничего, кроме курганов, были самой грозной силой в степи. И хотя оседлое население было довольно многочисленным, однако военный потенциал и мобилизационные возможности у сарматов были выше. Тем более что концентрация элитных комплексов на Нижнем Дону в первые века нашей эры позволяет прийти к выводу, что именно в этом регионе находился политический центр Сарматии и самые активные и сильные кланы (что подтверждается, например, анализом тамбовского материала).

Существует даже версия, что кочевники могли переселить меотов из Прикубанья на Нижний Дон [7]. Потребность в оседлой периферии могла привести к насильственному переселению, и осторожное предположение Б.А. Раева о том, что именно аланы переселили меотов в Подонье, заслуживает внимания.

Очевидным свидетельством зависимости являются погребения кочевой знати на могильниках оседлого населения или поблизости (курган 10 Кобяковского некрополя). Хуторские хозяйства Кобяковского поселения могли существовать в степной зоне, на удалении от поселения, только при мирных отношениях и подчинённом положении земледельцев [13, с. 54]. Меотские поселения в этой ситуации играли важную роль. Они были зависимы от номадов, но, находясь под крылом сильных родов, могли получать немалую выгоду от сельскохозяйственного производства и торговли.

Поэтому при описании политической ситуации в понятиях центр – периферия центром являются сильные кочевые орды, а меоты выступают в качестве зависимой периферии. Рассматривая оседлую периферию сарматского мира, следует обратить внимание на важность поселений, ближайших к политическим центрам номадов. Для формирования устойчивой системы экзоспектации требовалось оседлое население в регионе проживания кочевников. Оно могло обеспечить постоянный и массовый продукт, в отличие от перспективных в плане добычи, но нерегулярных и затяжных походов в дальние земли.

Боспор был в большей степени независим от номадов – благодаря ряду факторов, среди которых надо в первую очередь упомянуть Римскую империю. Но Танаис – пограничный фор-

пост Боспора – в прилагаемых обстоятельствах вынужден учитывать степной фактор. Тем более что две из трех катастроф сарматского времени связаны со степной угрозой.

Итак, в политическом пространстве Нижнего Подонья сарматы играли роль центра, в то время как меотские поселения были периферией, в то же время как Танаис был вынужден учитывать военную мощь номадов.

Такая ситуация сложилась далеко не сразу. В III–I вв. до н.э. в Нижнем Подонье и Поволжье не находят обломков античной керамической тары [14, с. 178]. Вывод, который из этого следует, – Танаис не торговал со своим окружением, даже после появления ранних сарматов в регионе, т.е. во II–I вв. до н.э. Об этом свидетельствует отсутствие амфорной тары на Нижнем Дону (за редким исключением). Привозная продукция в том же Танаисе была рассчитана, судя по всему, на танаисского потребителя. С.М. Ильяшенко приходит к интересному выводу: «Торговые контакты, если таковые и были, не нарушали рамки стандартных потребностей кочевников, не сильно желавших сближения с цивилизацией. Редкие находки импортной керамики больше похожи на последствия разовых контактов» [15]. Эта информация находит подтверждение у Страбона, который пишет, что в раннесарматское время кочевники (видимо, аорсы) закрывали пути купцам вверх по Дону (Страбон. XI, II, 2). Сведения Страбона, а также относительная бедность ранних сарматов (если сравнивать их с элитными комплексами Нижнего Дона первых веков) говорят о весьма слабом взаимодействии оседлого мира и сарматов в это время.

К рубежу эр ситуация меняется. Номады и оседлый мир начинают активнее взаимодействовать. С одной стороны, сарматы, опираясь на военную силу и возросшую мощь, включались в политические и экономические контакты, с другой – появление меотских городищ в низовьях Дона и расцвет Боспора создали для этого благоприятные экономические условия. В среднесарматское время происходит изменение политики и активизация торговли. Интенсифицируются контакты с меотами Кубани – в сарматских комплексах с рубежа эр фиксируется значительное количество серолощенной кубанской керамики [16, с. 135]. Важную роль играли новые городища в низовьях Дона: «Примечательно то, что заметный выход керамического импорта за пределы Недвиговского городища наблюдается в последней четверти I в. до н.э. Именно с этим временем связывают возникновение в дельте Дона Крепостного и Подазовского городищ» [15].

Боспор начиная с I в. до н.э. эффективно усвоил принципы митридатизма – использование варваров-переселенцев для усиления своей экономической и военной мощи [17, с. 238–240]. Привлечение сарматов и прочих варваров предполагало их вовлечение в орбиту влияния Боспора. Но сарматы в этих отношениях были вполне самостоятельной силой, и силой неоднородной. В среднесарматское время на первый план выходят аланы. В позднесарматский период их сменяет новая волна кочевников, пришедших из Приуралья, но характер отношений между номадами и оседлым миром остается прежним.

В позднесарматскую эпоху проявилась новая тенденция. Во II–III вв. номады стали оседать, переселяясь в Танаис и на нижнедонские городища. Об активном включении сарматов в состав Танаиса и меотских поселений Подонья свидетельствуют данные некрополей [18, с. 25–26]. На некрополях нижнедонских меотских городищ фиксируются участки курганных погребений сарматской культуры. В меотских городищах мы видим волну мигрантов, чей погребальный обряд фиксируется с середины II в. [18, 19]. В Нижнегниловском и Кобякове особенно значима новая традиция подбоев – под западную стенку могилы, и примечательно, что в таких погребениях встречаются костяки с деформированными черепами [19, с. 132, 136].

Этот феномен требует объяснения – до этого мы видим их присутствие на поселениях, но ни в Танаисе, ни на городищах не было значительных группировок сарматов. Долгое сосуществование не ведет к включению номадов в жизнь оседлого населения (как мы это видим на примере сосуществования сарматов и оседлых центров в Подонье во II в. до н.э. – середине II в. н.э.). Проникновение фиксируется, но носит эпизодический характер. Проблема здесь состоит в том, что сарматы, как номады, предпочитали кочевой образ жизни, и для седентаризации им требовались веские основания. Первой такой причиной могло стать военное поражение, и в состав нижнедонских поселений могли включаться остатки среднесарматского населения. Об этом говорят данные анализа костных останков населения Танаиса II–III вв. и меотских поселений [20, с. 89].

Однако эта причина не может считаться достаточной. Мы видим в погребальном обряде, инвентаре, традиции деформации черепов черты позднесарматской культуры. Не все они могут быть объяснены влиянием моды. Часть позднесарматского населения все же проживала и в Танаисе, и на меотских поселениях.

Есть важное отличие позднесарматской эпохи от среднесарматской – во II–III вв. засвиде-

тельствована аридизация в волго-донских степях, и вследствие этого – ухудшение условий кочевания [21, с. 163, 166, рис. 45]. Для позднесарматского времени мы видим уменьшение количества погребений. С этими данными вполне согласуется сообщение Аммиана Марцеллина об аланах: «они кочуют, как номады, на громадном пространстве на далеком друг от друга расстоянии» (Амм. Марц. XXXI, 2, 17). Поэтому вторая возможная причина седентаризации – засушливость климата, которая могла сделать неизбежным оседание уже поздних сарматов. Более стабильная экономика оседлого населения в каких-то ситуациях вынуждала к оседлому образу жизни как минимум обедневшую часть номадов.

Конец этой системы, где сарматские группировки выполняли роль политического центра, опираясь на экономический потенциал меотских поселений, связан с приходом кочевников из Предкавказья в Подонье примерно в середине III в. н.э. Именно с их миграцией С.А. Яценко убедительно связывает гибель Танаиса и меотских поселений Нижнего Дона [22]. Вторым этапом позднесарматской культуры (середина III – вторая половина IV в. н.э.) привел к большим переменам в политической системе степной зоны Европы. Произошло существенное переформатирование системы отношений иранских кочевников с оседлым миром. Выходцы из Предкавказья, видимо, ориентировались на оседлое население Предкавказья. Прекращение деятельности Танаиса и меотских городищ низовий Дона связано с тем обстоятельством, что новые властители Подонья не нуждались в них, поскольку у них была уже своя оседлая периферия. Нижнедонские степи утратили статус ключевого политического центра Сарматии.

Список сокращений

ИАИАИАНД – Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону.

ДА – Донская археология.

ВДИ – Вестник древней истории. Москва.

ПАВ – Петербургский археологический вестник. СПб.

Список литературы

1. Шелов Д.Б. Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II–III вв. н.э. по данным танаисской ономастики // ВДИ. 1974. № 1. С. 80–93.
2. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.: Наука, 1972. 350 с.
3. Яценко С.А. Алания I–II вв. н.э. как кочевая империя // В сб.: Монгольская империя и кочевой мир. Книга 3 / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова. Улан-Удэ, 2009. С. 281–310.

4. Безуглов С.И. Денежное обращение Танаиса, III в. до н.э. – V в. н.э. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М., 2001. 3668 с. Архив ИА РАН. Р-2 № 2654–2001.
5. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 604 с.
6. Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 416 с.
7. Раев Б.А. Меоты и степь: к взаимоотношениям кочевого и оседлого населения в Прикубанье на рубеже эр // В сб.: Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. II. С. 55–57.
8. Медведев А.П. О формах зависимости в сарматских обществах первых веков нашей эры // Нижневолжский археологический вестник. 2010. Вып. 10. С. 140–146.
9. Воронятов С.В., Еременко В.Е. «Плавильщик» царя Фарзоя // В сб.: Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху: Сборник статей к 60-летию А.Н. Дзиговского / Отв. ред. Е.В. Смынтина. Киев: Видавель Олег Філюк, 2013. С. 51–63.
10. Клейн Л.С. О характере римского импорта в богатых курганах сарматского времени на Дону // В сб.: Античный мир и археология. Вып. 4. Саратов, 1979. С. 204–221.
11. Raev B.A. Roman imports in the Lower Don basin. BAR Intern. Ser., 278. Oxford: Reeder, E. 1988.
12. Кривошеев М.В. Импортная металлическая посуда как маркер знатных погребений позднесарматского времени // В сб.: Сарматы и внешний мир: Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 12–15 мая 2014 г. / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев (Уфимский археологический вестник. Вып. 14). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие», 2014. С. 105–112.
13. Глебов В.П., Зоров Ю.Н. Погребение I в. н.э. в г. Аксай // В сб.: ИАИАНД в 1999–2000. Вып. 17 / Отв. ред. А.А. Горбенко. Азов: Изд-во Азовского краеведческого музея, 2001. С. 47–54.
14. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э. М.: Наука, 1970. С. 250.
15. Ильяшенко С.М. Керамический импорт в Танаисе эллинистического времени // Вестник Танаиса. Выпуск IV. В печати.
16. Глебов В.П. К дискуссии о хронологии среднесарматской культуры (ответ на рецензию А.В. Симоненко) // ДА. 2002. № 3–4. С. 131–140.
17. Сапрыкин С.Ю. К вопросу о сарматизации Боспора рубежа нашей эры // В сб.: Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Труды ГИМ. Вып. 159: Памяти Н.П. Сорокиной / Д.В. Журавлев (ред.). М., 2006. С. 236–244.
18. Безуглов С.И., Гугуев В.К. Меоты и сарматы на Нижнем Дону в I–III вв. н.э. (структура и эволюция погребального обряда) // В сб.: Проблемы сарматской археологии и истории (тезисы докладов конференции). Азов, 1988. С. 19–27.
19. Гугуев В.К. Структура погребального ритуала Нижне-Гниловского некрополя (к вопросу о донском варианте меотской культуры) // Novensia. 2008. № 18–19. С. 129–137.
20. Батиева Е.Ф. Население Нижнего Дона в IX в. до н.э. – IV в. н.э. (палеоантропологическое исследование) / Отв. ред. М.М. Герасимова. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 160 с.
21. Дёмкин В.А. Природная среда волгоуральских степей в савромато-сарматскую эпоху (VI в. до н.э. – IV в. н.э.) / В.А. Дёмкин, А.С. Скрипкин, М.В. Ельцов, Б.Н. Золотарева, Т.С. Демкина, Т.Э. Хомутова, Т.В. Кузнецова, С.Н. Удальцов, Н.Н. Каширская, Л.Н. Плеханова. Пушино, 2012. 216 с.
22. Яценко С.А. Германцы и аланы: О разрушениях в Приазовье в 236–276 гг. н.э. // Stratum + ПАВ., СПб. – Кишинев, 1997. С. 154–163.

SARMATIANS OF THE LOWER DON REGION AND THE SEDENTARY WORLD: PARADOXES OF CENTER-PERIPHERY RELATIONS

E.V. Vdovchenkov

The article analyzes the center-periphery relationship between the Sarmatians, Meotians and Tanais. Tanais and Meotian settlements were economic centers of the region. Nomadic world acted as a periphery in the economic space of the region. However, the analysis of the political situation in the steppe zone and the Lower Don region shows that the relationship between sedentary and nomadic centers was fundamentally different. Sarmatians were one of the important centers of power in the steppes of Eastern Europe. Therefore, if we try to describe the political situation in terms of center-periphery, strong nomadic hordes should be considered the center, while Meotians should be regarded as its dependent periphery. In such circumstances, Tanais, the border outpost of the Bosphorus, was forced to consider the impact of the nomads. This system of relations was formed in the 1st century BC – 1st century AD. The decline of this system, where the Sarmatian groups served as the political center relying on the economic potential of Meotian settlements, was associated with the arrival of nomads from Ciscaucasia in the Don region in the middle of the 3rd century AD.

Keywords: Lower Don region, Sarmatians, Tanais, Meotian settlements, Sarmatian archaeological culture, centre-periphery relations.

References

1. Shelov D.B. Nekotorye voprosy ehnticheskoj istorii Priazov'ya II–III vv. n.eh. po dannym tanaisskoj onomastiki // VDI. 1974. № 1. S. 80–93.
2. Shelov D.B. Tanais i Nizhnij Don v pervye veka nashej ehry. M.: Nauka, 1972. 350 s.
3. Yacenko S.A. Alaniya I–II vv. n.eh. kak kochevaya imperiya // V sb.: Mongol'skaya imperiya i kochevoj mir. Kniga 3 / Otv. red. B.V. Bazarov, N.N. Kradin, T.D. Skrynnikova. Ulan-Udeh, 2009. S. 281–310.
4. Bezuglov S.I. Denezhnoe obrashchenie Tanaisa, III v. do n.eh. – V v. n.eh. Dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.06. M., 2001. 3668 s. Arhiv IA RAN. R-2 № 2654–2001.
5. Hazanov A.M. Kochevniki i vneshnij mir. Almaty: Dajk-Press, 2002. 604 s.
6. Kradin N.N. Kochevniki Evrazii. Almaty: Dajk-Press, 2007. 416 s.
7. Raev B.A. Meoty i step': k vzaimootnosheniyam kochevogo i osedlogo naseleniya v Prikuban'e na rubezhe ehr // V sb.: Trudy II (XVIII) Vserossijskogo arheologicheskogo s"ezda v Suzdale. M., 2008. T. II. S. 55–57.
8. Medvedev A.P. O formah zavisimosti v sarmatskih obshchestvah pervyh vekov nashej ehry // Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik. 2010. Vyp. 10. S. 140–146.
9. Voronyatov S.V., Eremenko V.E. «Plavil'shchiki» carya Farzoya // V sb.: Varvarskij mir severopontijskih zemel' v sarmatskuyu ehphu: Sbornik statej k 60-letiyu A.N. Dzigovskogo / Otv. red. E.V. Smyntina. Kiev: Vidavec' Oleg Filyuk, 2013. S. 51–63.
10. Klejn L.S. O haraktere rimskogo importa v bogatyh kurganah sarmatskogo vremeni na Donu // V sb.: Antichnyj mir i arheologiya. Vyp. 4. Saratov, 1979. S. 204–221.
11. Raev B.A. Roman imports in the Lower Don basin. BAR Intern. Ser., 278. Oxford: Reeder, E. 1988.
12. Krivosheev M.V. Importnaya metallichesкая posuda kak marker znatnyh pogrebenij pozdnesarmatskogo vremeni // V sb.: Sarmaty i vneshnij mir: Materialy VIII Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoj konferencii «Problemy sarmatskoj arheologii i istorii», Ufa, IYal UNC RAN, 12–15 maya 2014 g. / Otv. red. L.T. Yablonskij, N.S. Savel'ev (Ufimskij arheologicheskij vestnik. Vyp. 14). Ufa: IYal UNC RAN, Centr «Nasledie», 2014. S. 105–112.
13. Glebov V.P., Zorov Yu.N. Pogrebenie I v. n.eh. v g. Aksaj // V sb.: IAIAND v 1999–2000. Vyp. 17 / Otv. red. A.A. Gorbenko. Azov: Izd-vo Azovskogo kraevedcheskogo muzeya, 2001. S. 47–54.
14. Shelov D.B. Tanais i Nizhnij Don v III–I vv. do n.eh. M.: Nauka, 1970. S. 250.
15. Il'yashenko S.M. Keramicheskij import v Tanaise ehllinisticheskogo vremeni // Vestnik Tanaisa. Vypusk IV. V pechati.
16. Glebov V.P. K diskussii o hronologii srednesarmatskoj kul'tury (otvet na recenziju A.V. Simonenko) // DA. 2002. № 3–4. S. 131–140.
17. Saprykin S.Yu. K voprosu o sarmatizacii Bospora rubezha nashej ehry // V sb.: Severnoe Prichernomor'e v ehphu antichnosti i srednevekov'ya. Trudy GIM. Vyp. 159: Pamyati N.P. Sorokinov / D.V. Zhuravlev (red.). M., 2006. S. 236–244.
18. Bezuglov S.I., Guguev V.K. Meoty i sarmaty na Nizhnem Donu v I–III vv. n.eh. (struktura i ehvoluciya pogrebal'nogo obryada) // V sb.: Problemy sarmatskoj arheologii i istorii (tezisy dokladov konferencii). Azov, 1988. S. 19–27.
19. Guguev V.K. Struktura pogrebal'nogo rituala Nizhne-Gnilovskogo nekropolya (k voprosu o donscom variante meotskoj kul'tury) // Novensia. 2008. № 18–19. S. 129–137.
20. Batieva E.F. Naselenie Nizhnego Dona v IX v. do n.eh. – IV v. n.eh. (paleoantropologicheskoe issledovanie) / Otv. red. M.M. Gerasimova. Rostov n/D: Izd-vo YuNC RA, 2011. 160 s.
21. Dyomkin V.A. Prirodnaya sreda volgo-ural'skih stepej v savromato-sarmatskuyu ehphu (VI v. do n.eh. – IV v. n.eh.) / V.A. Dyomkin, A.S. Skripkin, M.V. El'cov, B.N. Zolotareva, T.S. Demkina, T.Eh. Homutova, T.V. Kuznecova, S.N. Udal'cov, N.N. Kashirskaya, L.N. Plekhanova. Pushchino, 2012. 216 s.
22. Yacenko S.A. Germancy i alany: O razrusheniyah v Priazov'e v 236–276 gg. n.eh. // Stratum + PAV., Spb. – Kishinev, 1997. S. 154–163.